

Julie Kagawa

**the immortal
rules**

Blood of Eden. 1

Джули Кагава

**ЗАКОН
БЕССМЕРТНЫХ**

Кровь Эдема. Книга 1

Перевела с английского

Мария Мельникова

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44
К12

THE INNORTAL RULES
by Julie Kagawa

Все права защищены, включая право на полное или частичное воспроизведение в любой форме.

Данное издание опубликовано по договоренности с Harlequin Enterprises ULC.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и происшествия являются либо плодом воображения автора, либо используются вымышленно, и любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, деловыми учреждениями, событиями или местностями случайны.

Кагава, Джули.

К12 Закон бессмертных : [роман] / Джули Кагава ; пер. с англ. М. Мельниковой. — Москва : Popcorn Books ; Эксмо, 2025. — 496 с.

ISBN 978-5-04-222560-4

В мире Эллисон Сикимото правят страх и голод. Красный вирус почти уничтожил человечество, вынудив оставшихся в живых людей перейти под власть вампиров. Если у тебя есть метка, то раз в месяц ты сдаешь кровь — в обмен на еду и защиту от бешеных, измененных вирусом, которые бродят за Стеной. Если метки нет, то нет и еды.

Неотмеченные влачат жалкое существование на Периферии, рыская в поисках пропитания от рассвета до заката. Потому что ночь — время монстров. Очередная вылазка за Стену заканчивается для Эллисон и ее банды трагедией. Эллисон умирает, чтобы стать чудовищем — одной из тех, кого ненавидит.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

© Мария Мельникова, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

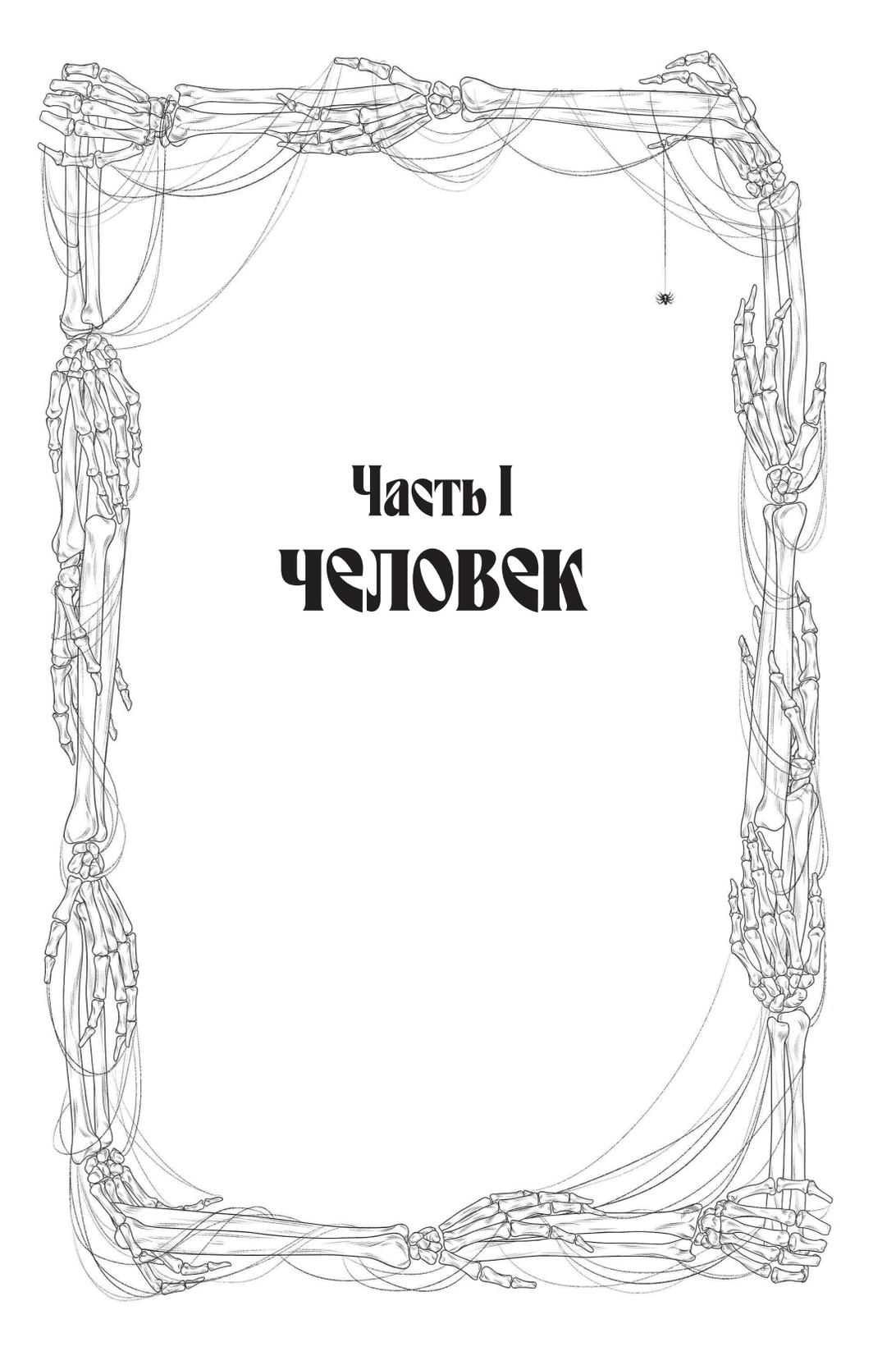
ООО «Издательство «Эксмо», 2025. Popcorn Books®

Copyright © 2012 by Julie Kagawa

ISBN 978-5-04-222560-4

Иллюстрация на обложке © lem_lemon_ka

*Нику, который всегда будет
охотиться со мной на вампиров*

Часть I
ЧЕЛОВЕК

Глава 1

Неотмеченных вешали в старом складском районе, казнь была публичная, так что все пошли поглазеть.

Я стояла сзади, безымянная фигура в толпе, здесь было неуютно — слишком близко к виселицам, — но отвернуться я не могла. На этот раз их было трое, двое парней и девчонка. Старший — мой ровесник, семнадцатилетний, тощий, с огромными испуганными глазами и темными грязными волосами, падающими на плечи. Остальные — еще младше, пятнадцать и четырнадцать лет, наверное, к тому же брат и сестра — волосы у обоих прямые и светло-русые. Я их не знала, они были не из моей компании. На вид они, однако, были как все Неотмеченные — тощие и оборванные, глаза бегают, как у животных, угодивших в ловушку. Я напряженно скрестила руки на груди, ощущая их отчаяние. Все кончено. Западня захлопнулась, охотники схватили их, спасения нет.

Домашний человек на краю помоста чванливо надувался, словно самолично поймал этих ребят. Он расхаживал туда-

сюда, тыкая в приговоренных пальцем и зачитывая список их преступлений, блеклые глаза сверкали торжеством.

— ...Нападение на гражданина Внутреннего города, грабеж, нарушение границ и сопротивление аресту. Эти преступники пытались украсть продовольственные продукты первого класса с частного склада во Внутреннем городе. Это преступление против вас и, что еще важнее, против наших благодетельных Господ.

Я фыркнула. Громкие слова и канцелярщина не могли скрыть того факта, что эти «преступники» лишь делали то, что делают все Неотмеченные ради выживания. Мы, Неотмеченные люди, по разным причинам — стечение обстоятельств, гордость или упрямство — не носим на коже знака наших хозяев-вампиров, говорящего, кто мы такие, где живем и кому принадлежим. Вампиры, разумеется, утверждают, что это нужно для безопасности, для того, чтобы отслеживать перемещения горожан и знать, сколько еды нам выделять. Для нашего же блага. Ну да, конечно. Как ни назови, это лишь очередной способ держать людской скот в рабстве. Все равно что ошейник на шее.

В жизни Неотмеченного есть свои плюсы. Тебя как бы нет. Ты не значишься в списках, для системы ты призрак. Раз ты нигде не записан, тебе не нужно каждый месяц являться на сдачу, домашние люди в белоснежных халатах не втыкают иглу тебе в вену и не выкачивают из тебя кровь в прозрачные пакеты, которые помещают в холодильники и отправляют Господам. Пропустишь пару сдач, и за тобой явятся охранники и заставят выложить всё, что ты задолжал, пусть даже придется выжать тебя досуха. Вампы получают свою кровь так или иначе. Неотмеченные способны проскочить в лазейку. На них нет поводка, за который кровососы могут дергать. А поскольку быть Неотмеченным

не преступление, казалось бы, почему всем так не жить? Увы, за свободу приходится платить немалую цену. Отмеченные люди получают продуктовые талоны. Неотмеченные — нет. А поскольку всю еду в городе контролируют вампы, добыть себе пропитание — серьезная проблема.

Поэтому мы действуем так, как действовал бы любой в нашем положении. Мы попрошайничаем. Мы воруем. Мы достаем еду, где только можно, предпринимая всё, чтобы выжить. На Периферии, окраине вампирского города, еды не хватает даже Отмеченным. Продуктовые грузовики приезжают дважды в месяц, под строгой охраной. Я видела, как Отмеченных граждан избивали за одно лишь нарушение очереди. Поэтому, хотя Неотмеченность как таковая преступлением не является, тем, кого *поймают* на воровстве у кровососов без красующейся на коже проклятой метки Государя, на милосердие рассчитывать не приходится.

Я этот урок усвоила хорошо. Жаль, что его не усвоила троица приговоренных.

— ...Восемь унций сои, две картофелины и четверть буханки хлеба... — продолжал домашний, а между тем его слушатели, охваченные болезненным оцепенением, не сводили глаз с виселиц. Я скользнула в толпу, удаляясь от помоста. За спиной у меня гремел самодовольный голос, и я стиснула кулаки — вот бы врезать по этой ухмыляющейся физиономии. Чертовы домашние. В каком-то смысле они еще хуже кровососов. Они сами выбрали служить вампам, предавать своих братьев-людей ради безопасности и роскоши, которые дает их положение. Все их ненавидят, но в то же время все завидуют им.

— Закон высказывается в отношении Неотмеченных граждан ясно, — домашний завершал свою речь, растягивая

слова для пущего эффекта. — Согласно пункту сорок шестому параграфа двадцать второго устава Нью-Ковингтона, любой человек, пойманный на воровстве в городских пределах, не имеющий защитной метки Государя, должен быть предан смерти через повешение. Хотят ли приговоренные произнести последние слова?

До меня донеслись приглушенные голоса, старший вор выбранил домашнего, предложив ему совершить что-то анатомически невозможное. Я покачала головой. Храбриться тут не поможет. Ничего уже не поможет. Быть отважным до конца — похвально, но лучше просто не попадаться. Это была их первая — и в итоге последняя ошибка. Всегда оставляй себе путь к отступлению — вот первое правило Неотмеченных. Делай что хочешь — ненавидь вампов, проклинай домашних, — но не попадайся. Ускорив шаг, я выбралась из толпы и перешла на легкий бег.

Стук открывающихся висельных люков отдался в ушах оглушительным эхом, даже на фоне вздоха толпы. Наступившая вслед за тем тишина казалась почти живой, вынуждала обернуться, бросить взгляд через плечо. Не обращая внимания на то, как скрутило живот, я свернула за угол, чтобы между мной и виселицами оказалась стена и соблазн посмотреть назад исчез.

* * *

Жизнь на Периферии простая, как и ее обитатели. Работать им не надо, хотя здесь есть несколько «торговых пунктов», куда люди приносят, что могут, на обмен. Читать им тоже не надо — никакая работа этого не требует, к тому же держать у себя книги строго запрещено — так зачем рисковать? Беспокоятся люди здесь только о том, как себя прокормить, как сохранить в целостности одежду и уберечь

от дождя ту дыру, коробку или развалину, которую они зовут домом.

Тайная цель каждого периферийца — попасть однажды во Внутренний город, преодолеть стену, отделяющую цивилизованный мир от людских отбросов, и оказаться в сияющем царстве, что возвышается над нами громадными лучистыми башнями, которые по какой-то причине не рассыпались в пыль. У всех тут есть знакомый знакомого, который знает кого-то, кого забрали в город за мощный ум или несказанную красоту, кого-то выдающегося, особенного, кому не место здесь, с нами, скотами. Ходят слухи о том, что вампиры «разводят» у себя людей, воспитывают из детей преданных рабов. Но поскольку никто из тех, кого забрали в город, назад не возвращается — кроме домашних и их охранников, а они держат рот на замке, — никто не знает, как оно там.

Разумеется, слухи от этого лишь расцветают пышнее.

— Слышала? — спросил меня Шест, когда мы встретились у проволочной ограды, обозначающей границу нашей территории. За оградой, по ту сторону травянистой, усеянной битым стеклом пустоши, стояло старое приземистое здание, которое я и моя банда звали домом. Лукас, де-факто наш предводитель, говорил, что раньше здесь была «школа» — куча ребят вроде нас каждый день приходила сюда учиться. Это было до того, как вампы разграбили ее и сожгли, уничтожив все, что было внутри, однако здание все равно могло приютить компанию тощих уличных крыс. На высоте трех лестничных пролетов кирпичные стены начинали крошиться, верхний этаж провалился, а стены почти целиком состояли из щебня с плесенью. В обгорелых коридорах и пустых комнатах было холодно, сыро и темно, и с каждым годом стены всё больше осыпались, но это было

наше пристанище, наша безопасная гавань, и мы отчаянно ее защищали.

— Что слышала? — спросила я, когда мы нырнули в дыру в проржавевшей ограде и направились сквозь сорняки и осколки к приветливо светящемуся дому.

— Грейси забрали прошлой ночью. В город. Говорят, какой-то вампир хотел расширить свой гарем, вот и взял ее.

Я резко на него взглянула:

— Что? Кто тебе сказал?

— Кайл и Тревис.

Я брезгливо поморщилась. Кайл и Тревис были из враждебной нам банды Неотмеченных. Мы друг друга не доставали — обычно, но сейчас было похоже, что наши соперники могли что-то придумать, чтобы отпугнуть нас от улиц.

— Ты этим двоим веришь? Они тебе мозги пудрят, Шест. Напугать тебя хотят.

Он тащился за мной по пустоши, как тень, водянисто-голубые глаза бегали туда-сюда. Настоящее имя Шеста было Стивен, но никто его больше так не звал. Он был выше меня на несколько дюймов, но при моих пяти футах роста особого впечатления это не производило. Фигурой Шест напоминал огородное пугало, волосы у него были соломенного цвета, взгляд боязливый. Выживать на улицах у него получалось, но едва-едва.

— Они не одни про это говорят, — настаивал Шест. — Купер сказал, что слышал, как она кричала в нескольких кварталах отсюда. Что на это скажешь?

— Если это правда? Скажу, что она по глупости отправилась ходить по городу ночью и ее, наверное, съели.

— Элли!

— Что? — Сквозь покореженный дверной проем мы пробрались в промозглый школьный коридор. Вдоль стены тес-

нились ржавые металлические шкафчики, лишь некоторые из них до сих пор стояли вертикально, большая часть была помята и сломана. Подойдя к одному из тех шкафчиков, что еще держались, я открыла скрипучую дверцу. — Вампы не сидят в своих драгоценных башнях безвылазно. Иногда они отправляются на охоту за свежей кровью. Все это знают. — Я достала из шкафчика расческу, которую хранила там вместе с зеркалом — единственным целым во всем здании. На меня взглянуло мое отражение — девчонка с чумазым лицом, прямыми черными волосами и узкими «пронырливыми глазами», как выражается Крыс. Ну, хотя бы зубы у меня не как у грызуна.

Я провела расческой по волосам, морщась, когда обломанные зубья царапали кожу. Шест всё смотрел на меня с укоризной и страхом, и я скорчила гримасу и нахмурилась.

— Нечего на меня так глядеть, Стивен, — сказала я. — Если выйдешь после заката и тебя засечет кровосос, сам будешь виноват, что расслабился. — Я положила расческу на место и захлопнула шкафчик. — Грейси думала, что, раз она Отмеченная, а ее брат охраняет Стену, вампиров ей можно не бояться. Они всегда тебя подкарауливают, когда думаешь, что можно не бояться.

— Марк из-за этого сам не свой, — сказал Шест почти со злостью. — У него кроме Грейси никого не осталось после того, как их родители умерли.

— Не наша проблема, — мне стало стыдно за свои слова, но сказала я правду. На Периферии заботиться принято о себе, о ближайших родственниках и ни о ком больше. Я беспокоюсь лишь о себе, Шесте и нашей маленькой банде. Они — моя *семья*, паршивая, но уж какая есть. Я не могу переживать из-за бед всей Периферии. Спасибо, мне и своих достаточно.